

Евгений Яковлевич Весник — фронтовик и народный артист — вне сцены, экрана или радиостудии бывает очень сердитым. Но сердится он как-то нестрашно, по-доброму. Так просердился он почти всю нашу беседу, и начал — как только прозвучало слово “телевидение”.

— Все выступающие и все ведущие телевидения и радио не знают русского языка... Особенно грешит радио. Я взял за правило звонить ведущим и называть их ошибки. Ребята слушают, каются, а через два часа... В свое время я сделал речевые замечания Александру Флярковскому. Он, кстати, умеет говорить. К моей радости, он отозвался письмом, поблагодарил. Это исключение. Я говорю об этом, кричу, устно-письменно, пишу в книгах, веду в столичной газете колонку — о речевых и прочих казусах эфира. И все остается на своих местах. Короче, у меня предложение: издавать приказ по ТВ и радио. Если ведущий ошибся, скажем, в ударении, — публично — в эфире эту ошибку и исправить. Стыдно? Конечно, но зато школа для других, а у народа, слушающего, глядящего, доверие к государственному образцу речи диктора либо ведущего.

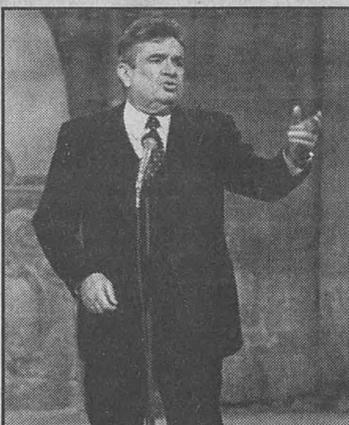
Ну, что можно ждать от рядовых эфирных девочек и мальчиков, если сам бывший пресс-секретарь президента, писатель, профессионал языка, говорит: “Поздравляю, Конституция принята”. Эка, скажут, незадача — ударение. Подумаешь, что говорят, не звонят, а звонят, не принимают, а принимают, а начать. Но ведь если человек неправильно говорит, он неправильно и думает.

За безграмотность общественных людей надо штрафовать. Ведь штрафовал же раньше театральные антрепренеры Синельников за плохую игру. Схалтурил — отдай пятерку. Но он и поощрял. Хорошо сыграл — червонец тебе, гениально — сотню, угощение. И дело не в деньгах. Дело в постоянном, остром внимании к русскому слову.

Я понимаю, у иного человека нет культуры, он умных книг не читал, у него друзья или жена такие же — он безграмотно выражается, а они не слышат. Ну, а кто приглашает таких профессионалов, скажем, в наши аэропорты, где маячат чудовищные объявления: “Накопитель пассажиров”, “На досмотр...” А нельзя ли проще? Например, “Комната безопасности”... Про спортивных комментаторов не говорю... Вообще куда делась дикторская служба русской речи? Ведь раньше любой выступающий у микрофона весь свой текст разукрашивал “ретушью” — и ударение трудное отметит, и ритм подчеркнет, и словосочетание заковы-

ристое обозначит, чтоб не споткнуться в эфире. Раньше были опытные дикторы-эксперты, которые слушали весь день своих коллег, а вечером, на оперативках, называли орехи. А семинары по лингвистике!

Почему я кричу об этом? Пойми-

Рос. газ. - 1995 - 6 мая - с. 20.

ДВА НАРЯДА ВНЕ ОЧЕРЕДИ, НО УСЛОВНО

те меня, я актер Малого театра с тридцатилетним стажем. Русский язык у нас — Бог! Однажды один актер нечаянно слова Гоголя переставил местами — его потом на собрании коллектива допекали...

— А вообще как вы, Евгений Яковлевич, относитесь к сегодняшнему телевидению? Что любите, что вас тревожит или раздражает?

— Отношусь положительно. Не потому, что на новом телевидении все идеально, а потому, что заметен поиск, усердие вылезти из трясины. Что касается моего телекуса... Когда гремят ансамбли — можно вызывать “скорую”. Я говорю банальные вещи, но ведь слух наш не банален, не бесконечны возможности и у наших нервов. На Западе в ресторанах играет тихий тапер, в залах следят за децибелами... Но есть еще более серьезные замечания. Мало мысли (нет, не идей, не идеологии), за которой пойдут соратники по творчеству. Своих мыслей! А не заемных, с западного игривого, развлекательного плеча. Или еще важнее, чтобы телевидение и радио были трибуной для настоящих мудрецов, а не для ново-

явленных нахрапистых апостолов. Выступает восемь человек, каждый считает себя гением, в головах сумбур, никакой публичной скромности...

Слушал как-то Явлинского. Такое впечатление, что он учитель Эйнштейна. Ну хотя бы усомнился в чем-нибудь, споткнулся бы, задумался... А где же спор — достойный, с уважением к другим? Истина-то где рождается?... А у нас их пачками швыряют в народ. Но народ-то и отворачивается от экрана.

Ладно, скажу, что радуется в эфире. Зверюшки. Любые. Они молчат, и они логичны. Я не шучу.

— Позвольте немного на тему войны. Если можно, кратко — ваше нынешнее настроение бывшего фронтовика?

— На днях на останкинской башне, на “Седьмом небе” нас записали с группой ветеранов. Разговор коснулся одной рискованной темы. Почему в те страшные войны — в финскую и Отечественную — можно было договариваться с врагом. Скажем, мы делали паузы в боях, чтобы двум смертельно воюющим и люто ненавидящим друг друга сторонам помыться, скажем, или искупаться в реке. Немецкая сторона по радиомашине просила

у нас прокрутить Шалапина, а мы, к примеру, какой-нибудь их джаз. Речь не идет о компромиссе с вражеской нечистью. Просто тогда, даже в аду войны, можно было хоть о чем-то, пусть и “бытовом”, мелочном, несерьезном, договориться. Сегодня ни о чем нельзя договориться...

Но давайте о другом... Я как человек сформировался на войне. Почему все мы, фронтовики, так и до сих пор дружим? На войне не было льгот. И генерал и рядовой были перед ликом смерти едины. Я сейчас для себя легко определяю, кто воевал, а кто трезвонил в штабе или хозяйствовал в тылу. Если человек говорит о героизме, о риске, о наградах — не нюхал такой пороха. Если рассказывает мужик и плачет, и медсестру погибшую забыть не может, невесту фронтовую, и помнит какие-то там варешки или кисеты с вышивкой, а главное, если не о себе говорит, а о погибших друзьях и поименно — вот окопник, вот солдат-работяга, истинный и необъявленный герой ратного дела и долга.

— Евгений Яковлевич, вы человек острый и с редким чувством смешного. А что вспоминается смешливое на фронте?

— Я рассказывал об этом целые истории. Не буду повторяться... Может, повод вспомнить нашего милейшего комполка. Он заикался... И вот приезжает к нам в полк дивизионный генерал и дает дрозда солдатам — у этого воротничок нечистый, тот небритый или пуговица тусклая. Идет лампасник вдоль строя и говорит: “Два наряда, пять...” А наш комполка следом за генералом наклоняется к провинившемуся и ему в ухо: “У-у-словно”...

Как-то наш “батьа” прихватил самовольщика, спрашивает его: “Где был?” Тот, не желая усугубить вину ложью — хороший у нас все-таки командир, признался: “В самовольной отлучке...” — “Пят... пят...”. “Есть пять суток ареста!” — подхватил солдат. А командир: “Черт с тобой. Я хотел пят... пятнадцать...”

На фронте нельзя быть плохим человеком. На этой строгой ноте и закончу.

Записал Виктор УЛАНОВ.